

Николай Леонов

Плата за жизнь

*Часть сборника
Мщение справедливо. Плата за
жизнь. Мастер (сборник)*

Гуров

Николай Леонов

Плата за жизнь

«ЭКСМО»

1994

Леонов Н. И.

Плата за жизнь / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1994 — (Гуров)

Москву потрясла серия убийств инкассаторов. Полковник Гуров, привлеченный к расследованию, приходит к выводу, что убийцы работали по «наводке» и утечка информации происходит по управлениям МВД.

© Леонов Н. И., 1994

© Эксмо, 1994

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Леонов

Плата за жизнь

Презумпция невиновности – основополагающее положение в уголовном праве всех цивилизованных стран мира, означающее, что человек невиновен, пока не доказано обратное.

Пролог

Сентябрь – первый месяц осени, погода начинает ломаться. Предсказать погоду в сентябре не в силах даже Гидрометцентр, как он не может ее угадать и в остальные одиннадцать месяцев в году. В сентябре дождит и стоит жара, рано убирать купальники и вроде бы рано доставать плащи и тяжелую обувь. Станный, капризный месяц, можно было бы сравнить его с норовистой женщиной, но уж больно избито.

Человек в сентябре тоже ведет себя кое-как. Одни, схватив корзинки, кидаются в лес в поисках боровиков, другие, бережливые или просто богатенькие, усаживаются в самолеты и подаются на юга, в какую-нибудь Анталию, на Кипр или на Канары, а некоторые, вконец обнаглевшие, еще дальше – во Флориду или на Филиппины.

Существует небольшая, но беспокойная категория человек, которые в сентябре убивают, грабят инкассаторов. Эти люди меньше других зависят от погоды, они счастливые.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска полковник Гуров не разбирался в грибах. У него не было денег, чтобы продлить свое лето и отдохнуть на берегу океана. А так как в сентябре что-то делать надо, Гуров разыскивал вышеупомянутую третью категорию лиц, так как россияне, в своем большинстве, не понимали увлечения разбойников. Говорят, что в других странах, даже в сверхдемократичной Америке, разбойников тоже не понимают.

Шутки шутками, но в этом сентябре в Москве происходил какой-то обвал разбойных нападений на инкассаторов. Грабили целенаправленно, зряче, в основном охотились за валютой.

Ух, эти доллары, и зачем их американцы придумали. И родились, паршивцы, каких-то двести лет назад, а натворить успели поболее, чем в тысячелетней Римской империи.

Да, доллары... Налетчики явно имели информацию, когда, куда, сколько долларов собираются перевозить. Налеты совершались дерзко, жестоко. Инкассаторов и охрану расстреливали из автоматов и пистолетов.

Убивали при выходе из банка и при входе, перегораживали дорогу спецмашинами и убивали в пути, свидетелей не оставляли. Привычные к беспределу москвичи нервничали, говорили однообразные слова в адрес полковника Гурова и его товарищей, которые, мотаясь по огромному городу, ловили воздух.

– Ты опер-важняк, агентурист или мальчик на посылках? – спрашивал у Гурова его друг, начальник главка генерал Орлов. – Разбойники живут не на полюсе и не в Сахаре, а среди людей. Найди этих людей, и ты получишь разбойников.

Гуров, как говорит его друг и подчиненный полковник Крячко Станислав, «уперся рогом».

Уголовную среду прослушивали внимательнее, чем опытный врач прослушивает миллионера.

Наконец Гурову удалось пробить агентурный подход в окружении налетчиков, и сыщик получил информацию, когда и где конкретно готовится очередное нападение.

Орлов создал группу захвата, не разрешил Гурову участвовать в операции, сухо напомнив полковнику, что ему пятый десяток, хватать и стрелять должны молодые.

Гуров рассердился, но дружба дружбой, а генерал – начальник, ему решать.

Специально подготовленные ребята отправились на задержание и вернулись ни с чем. Налет не состоялся. На Гурова смотрели сочувственно, некоторые насмешливо.

Через несколько дней история повторилась. Гуров явился к Орлову, заявил, что информация абсолютно достоверная, «пацаны» засвечиваются, налетчики засекают засаду, потому все и срывается.

– Хорошо, – согласился Орлов, – следующую операцию будешь готовить и проводить сам, лично.

Глава первая

В поисках агентурного подхода

– Когда вы их ждете, они знают об этом и смеются, – сказал агент. – Я, конечно, помалкиваю, но один раз вякнул, мол, кончайте, сгореть можно.

– Ты не лезь, – сказал Гуров и переложил телефонную трубку в другую руку.

Полковник находился в своем кабинете, звонок застал сыщика в дверях, и он был в плаще.

– Не лезь и отойди в сторону. Я знаю, у тебя есть через кого получить информацию, общаться напрямую категорически запрещаю, слишком опасно.

– Ладно, тебе виднее, я хотел как лучше.

– Лучше, чтобы ты жил дольше. – Гуров увидел, что в кабинет вошел Крячко, кивнул ему и продолжал: – Все это не телефонный разговор...

– Да я с автомата, с Центрального телеграфа, меня тут никто не знает и не слышит.

– Давай сегодня часиков в восемь подсаживай на наше место.

– О'кей, командир.

Гуров положил трубку, вздохнул:

– Цены парню нет, однако авантюрист. По самому краю ходит, в разведчика играет. Его любимый фильм «Мертвый сезон». – Полковник стянул плащ, взял мокрый плащ Крячко, повесил на вешалку у двери.

– Может, он и с тобой «Подвиг разведчика» разыгрывает, а мы уродуемся, словно бобики.

– Обижаешь, полковник. – Гуров присел на край ничейного стола, который стоял вдоль левой от входа стены.

Два стола были расположены у окна, лоб в лоб, левый занимал Гуров, правый – Крячко, так что сыщики сидели друг против друга, так сказать, лицом к лицу. Когда один из них с кем-либо беседовал, другой, как правило, уходил в буфет или отправлялся в приемную генерала, где кофейничал с секретарем Верочкой.

– Обижаешь, – повторил Гуров, закуривая. – Я работаю с человеком второй год, десятки его сообщений, как ты знаешь, подтвердились. Да и отношения у нас не такие, чтобы лепить горбатого. Я его не принуждаю, решил бы со мной завязать, так бы и сказал.

– Ну, ты же сам говоришь, что он авантюрист и фантазер. Об убийствах и ограблениях газеты и телевидение сообщали неоднократно. Твой парень и решил придать себе веса, значимости. Откуда у него подходы к таким жестким парням?

– В том-то и дело, что я знаю, – ответил Гуров. – У него родная сестра фотомодель, красотка, один из парней за ней ухлестывает, кажется, влюбился всерьез. Ну, она, естественно, девочка избалованная... «Да» и «нет» не говорите... Черно-бело не берите», водит парня. Он однажды был в гостях, поддал, выложил на стол несколько пачек стодолларовых и говорит, мол, смотаемся в Париж на недельку. А мой пацан-головастик толкнул пачку и сказал, мол, все это фальшивое, фуфло. Малый взярился и брякнул, что фальшивки в банке не держат. А накануне инкассаторов «взяли», одного на месте, другой скончался в «скорой». Да ты помнишь, в конце августа, на Профсоюзной.

– Так чего ты молчал?

– Я выжидал и работал. Установил шикарного гостя – некто Семен Вестник, оказался кругом положительный. «Наружка» за ним неделю ходила, ничего. Молодой инженер, холост, живет один, девочки, случается, заглядывают, умеренно выпивает, в расходах не шикует, ничего дорогого не покупал. Ездит он на стареньких «Жигулях», работает во французской

фирме, получает в валюте. Я и решил тогда, что были у парня при себе деньги фирмы, он спьяну и решил пыль в глаза пустить.

– Правдоподобно решил, – согласился Крячко.

– А две недели назад, когда эта серия налетов началась, Семен Вестник сделал моему парню предложение. Ничего определенного, мол, можно хорошо заработать, нужен водитель всего на пару часов – и десять валютных кусков в кармане. Мой не дурак, ответил что за десять тысяч долларов дадут десять лет, не выгодно. Парень мой в юности мастером спорта по мотогонкам был, водит классно, один раз этого Вестника прокатил, тот прилип, уговаривает. Однако знакомить с друзьями не спешит, разговоры ведет.

– Так какого черта ты решил, что он из банды? – вспыхнул Крячко. – Петр знает, какую ты лапшу развешиваешь? Людей задержал, спецподразделение поднял на ноги!

– Потому и молчал, что предвидел реакцию, – устало ответил Гуров. – Если ты, работая со мной второй десяток лет, зная меня как свою ладонь, плюешься, то что мне ждать от других людей?

– Пойдем к Петру, посоветуемся.

– Советоваться – значит, делить ответственность, а я делить не хочу. Я за свои решения отвечаю. Я чувю, что это они! Группа необычная, так? По выбору цели, манере поведения, одежде, хотя они и в камуфляже. По точности наводки чувствуется, действуют не кавказцы, нападают люди спокойные, уверенные, хорошо знающие Москву.

Гурова прервал телефонный звонок. Сыщик снял трубку, услышал недовольный голос Орлова: «Зайдите оба».

– Слушаемся, – в тон другу ответил Гуров, кивнул на дверь. – Пошли на ковер.

– Да мы, кажется, с ковра не уходили много лет, – насмешливо ответил Крячко, запирая сейф. – Не хватает рыжего парика, носа бульбочкой и штиблет пятьдесят пятого размера.

Орлов, как обычно, сидел, навалившись грузным торсом на стол, покашливал – последние дни ходил с легкой простудой.

– Присаживайтесь, сейчас подойдут господа сыщики, обсудим вопрос, как жить дальше.

– Дружно, – ответил Крячко, занимая свой персональный стул.

Гуров молча прошел к окну, присел на подоконник, здесь было его любимое место, так как давало возможность в любой момент подняться и пройтись по скромному кабинету начальника главка.

Можно перестраиваться год, можно десять, но в России ничего не меняется веками. Так в России чиновник имеет кабинет и обстановку, не соответствующую его должности и заслугам, а такие, какие он сумел выпросить, выбить, в общем, как говорится только у нас, россиян, «достать». В остальном мире это слово имеет иное значение.

У начальника управления кадров, тем более начальника ХОЗУ, были иные апартаменты. Начальник ведущего главка в жизни у руководства ничего не просил, не выбивал, тем более не доставал.

Потому генерал Орлов имел то, что имел. Кабинет маленький и скромный, за что его большинство сотрудников не уважали, а считали чудаком, человеком несовременным.

Итак, Гуров опирался на подоконник, пуская дым в открытую форточку, курил, когда в кабинет пришли три полковника управления, опытные сыщики, старые знакомые еще по работе в МУРе.

– Здравия желаю. Привет! Здравствуйте.

– Прошу всех садиться. – Орлов перешел со своего места за небольшой стол для совещаний, многозначительно взглянул в сторону Гурова.

Гурову пришлось слезть со своего подоконника, перейти к столу. Он пожал руки коллегам, с которыми у него были отношения не простые, что объяснялось его привилегированным положением в главке и личной дружбой с генералом, о которой, естественно, все знали.

Вновь пришедшие полковники были примерно одного возраста с Гуровым, то есть от сорока до пятидесяти, все розыскники со стажем более двадцати лет. Начальники отделов, они были по должности выше Гурова, но ни одному из них не приходило в голову вмешаться в его работу, тем более что-либо ему посоветовать, не дай Бог, приказать. За что же, спрашивается, они могли его любить?

– Ну-с, господа офицеры, цвет российского сыска, каковы наши дела? – спросил, скорее риторически изрек, так как ответа не ждал, генерал и, вздохнув, продолжал: – Интересно мне знать, почему, коли мы такие многоопытные, забрались в дерьмо по самую макушку?

– Господин генерал, следует отвечать или достаточно молча согласиться? – поинтересовался Крячко.

– Заткнись, Станислав, я лишаяю тебя слова до того момента, пока я к тебе лично не обращусь.

– Понял, – кивнул Крячко и закрыл глаза.

– Когда мы не можем раскрыть заказное убийство, россиянин возмущается. Мы, профессионалы, знаем, что убийца – одиночка, не имеющий связей в уголовном мире, потому найти к нему подход крайне трудно. Мы это знаем, хотя наши трудности, естественно, никому не интересны и нас не оправдывают.

Орлов вздохнул, потер нос и шишковатый лоб, еще раз вздохнул, очень не любил говорить, однако продолжал:

– Ладно, о киллерах разговор особый. Но сегодня банда с автоматами, нападают в центре Москвы на инкассаторов, убивают людей, а мы словно слепые котята... Позор! Павел Петрович, расскажи коллегам, что тебе удалось раскопать.

Полковник Усов, полноватый, лет сорока пяти, с заурядным, незапоминающимся лицом, кивнул, взглянул почему-то на Гурова и сказал:

– Мы, кажется, получили агентурный подход к банде. По моим данным, их пятеро, работают на двух машинах – «Вольво» и «Жигули», номера неизвестны. Имеем три имени, две клички, по нашей картотеке не проходят. Возраст около тридцати, образованные, связи с уголовниками не имеют. Возможно, связь есть, но нами пока не установлена. Можно предполагать, что налетчики имеют информатора в банковской системе, так как нападают не вслепую, а зряче, зная точно, когда везут валюту и солидную сумму. Сейчас они готовятся, место нападения пока не известно. Да, еще: определив объект, они выезжают на место часа за три до нападения, изучают обстановку, возможное присутствие спецслужбы, в общем, бандиты – люди грамотные, а не гопстопники. Сейчас надо ждать, будем надеяться, что мой канал не заглохнет и не оборвется.

– Молодец, Паша! – сказал Гуров. – Ты большой молодец! Я аплодирую! Когда освободимся, заглянем ко мне. Я тебе дам, что имею, ты мне дашь имена и клички. Договорились?

Полковник Усов кивнул, ответил невнятно.

– Итак, господа сыщики, будем ждать и готовиться. В случае поступления информации Гуров возглавляет группу захвата. Все свободны...

– Петр Николаевич, – негромко сказал Гуров и постучал пальцем по столу.

– Минуточку, – остановил Орлов поднявшихся из-за стола офицеров. – Есть все основания полагать, что бандиты в милиции имеют информатора.

– То бишь среди нас предатель? – сказал полковник Меньшов, высокий сутулый человек, явно не отличающийся здоровьем, потому раздражительный. – Это версия явно полковника Гурова. Надо же как-то оправдать три проваленные операции по захвату. Ведь группы захвата выходили по данным, полученным от самого Гурова, следовательно, данным точным.

– Простите, Александр Иванович, я могу продолжать? – спросил Орлов. – Я убежден, что среди нас нет предателя. Но факт, бандиты о нашей работе информацию получают. Я полагаю, что течет не в нашей лавочке, даже не в министерстве. Течет из группы захвата. Мы побеспо-

коимся, чтобы дырку залудить. Однако вы должны учитывать, что утечка существует, и в каком месте дыры, мы точно не знаем. Предупреждать вас излишне. Всем спасибо. Гуров, задержитесь.

Когда все вышли, Орлов оглядел Гурова с интересом, даже поднялся из-за стола, прошелся.

– Лева, ты охамел или недоумком прикидываешься? Ты как со старшими разговариваешь?

– Это Паша Усов старший? – Гуров взглянул недоуменно. – Мы с ним годки. Когда в МУРе я имел отдел, то Пашу с ладошки оперативными мудростями кормил.

– То было, и ты забудь. Сейчас Усов начальник отдела, а ты, опер, его хвалишь таким тоном, каким учитель хвалит двоечника, случайно решившего сложную задачу. Лева, тебе пятый десяток, пойми, люди ранимы и обидчивы. Ты их раздражаешь, унижаешь, они не виноваты, что Бог дал некоему Гурову больше. Кстати, твоей заслуги в этом тоже нет, так случилось.

– Петр Николаевич...

– Помолчи. Можешь курить, хотя ты никогда разрешения и не спрашиваешь. Ты думаешь, этим офицерам приятно знать, что когда неприятности в верхах, то приглашают не их, как по должности положено. Сейчас я назначил старшим группы тебя, а не полковника Усова. Хотя агентурные данные получил именно Усов. Но я знаю, что ты лучше. А каково это знать Паше? Ты когда-нибудь думал об этом? Все твоя гордость! – Орлов поморщился и, неожиданно резко сменив тон, произнес: – Лева, будь настоящим другом, прими отдел. Я тебя через полгода своим замом сделаю.

– Петр, ну не хочу я быть начальником, – ответил Гуров и посмотрел на друга сочувственно. – Как это мы с тобой не можем понять друг друга, двадцать лет вместе и все стучаем друг об друга, как бильярдные шары. Ты пойми, я киплингский кот, который гуляет сам по себе. Я больше всего на свете ценю свободу.

– Ох, кот, иди, гуляй. Я тебя понимаю, завидую, в свое время у меня на это сил не хватило, я надел штаны с лампасами. Удачи.

– Не горюй, дружище, я и Станислав всегда с тобой.

Гуров секунду постоял, хотел сказать что-то еще, лишь вздохнул и вышел из кабинета, зашел к себе, но полковника Усова, с которым сыщик договорился обменяться информацией, не застал.

– Ушли очень сердитые, – объяснил Крячко.

Гуров усмехнулся, позвонил Усову, сказал:

– Господин полковник, извините, меня генерал задержал, разрешите зайти?

– Ты знаешь, где я сижу? – спросил Усов. – Тогда заходи, разрешаю.

– Слушаюсь, господин полковник! – Гуров подмигнул Крячко и вышел в коридор.

Кабинет начальника отдела полковника Усова не многим уступал кабинету Орлова. Гуров вошел, оглянулся и согласно кивнул, мол, все так и должно быть.

– Присаживайся, – сказал Усов. – А ты знаешь, что ты в данном кабинете впервые?

– Вроде так.

– А ты знаешь, как часто старший опер заходит к начальнику отдела? – Усов потер ладонью щеки, словно проверяя, чисто ли выбрит. – По нескольку раз на дню. Но ты из генеральского не вылезает, тебе начальник отдела без надобности.

– Окстись, Паша. – Гуров сел на стул. – Сначала Петр мне выволочку устроил, что я непочтителен с руководством, то есть с тобой, теперь ты выступаешь. Я живу тихо, никого не трогаю, чем я сегодня тебя обидел?

– Ты сегодня был такой же, как всегда: Гуров обыкновенный. Хам, который считает, что он сыщик, остальные лишь прохожие. Ты знаешь случай, чтобы опер снисходительно похвалил начальника?

– Я искренне, от всей души, ты действительно большой молодец.

– Ты, естественно, свой тон не слышишь, никто себя не слышит. Разговариваешь ты, как мэтр, как звезда экрана разговаривает с поклонниками.

– У меня нет знакомых звезд, Паша. Допускаю, что тон у меня противный. Но ведь о человеке следует судить не по тону разговора, а по поступкам. Мы знакомы более десяти лет, я был твоим начальником, сейчас ты старше по должности, но никогда, ни раньше, ни сегодня, я тебе ножку не подставлял, гадость не сказал. Пашу я не меньше остальных, а что дружен с генералом, никто не виноват, так жизнь легла.

– А почему ты отдел не берешь, сидишь в операх?

– Писать не люблю. И я не сижу, а бегаю.

– И так в операх до пенсии?

– Не загадываю. Давай кончим обсуждать мою персону, перейдем к делу. У меня есть человек, я его не оформлял, держу накоротке.

– Твоя манера известна, потому ты по показателям чуть ли не худший в управлении.

– Знаю, социализм – это учет. Социализм приказал долго жить, может, и у нас начнут судить о работе человека не по галочкам – папочкам отчетов, а по конкретным результатам.

– Не доживешь.

– Возможно, но мне плевать. Так вот, у моего человека имеется сестра. Красавица, фотомодель. В нее влюблен некий парнишка по имени Семен Вестник. Шикарный парень, при баксах. Я убежден, что он налетчик. Проверь по своему каналу, никто из членов банды не ухлестывает за красавицей и фотомоделью? Таким образом мы выясним, об одной группе идет речь или о разных.

Усов смотрел настороженно, после паузы сказал:

– Если выяснится, что об одной, получится, что ты вышел на бандитов раньше меня.

– Не получится, – успокоил Гуров. – По моим сообщениям устраивали засады трижды. Я мажу в молоко, если твоя информация подтвердится, тебя наградой не обойдут. Я предлагаю готовить задержание и проводить его вместе, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Ты как?

– У тебя есть соображения?

– Кое-что, необходимо поставить людей из группы захвата в условия, при которых предатель не сможет предупредить бандитов.

– А выявить коррумпированного?

– В данный момент я возможности не вижу.

– Что же, я согласен, работать вместе с самим Гуровым большая честь.

– Паша, ты нормальный сыщик. Сейчас занимаешь генеральскую должность, лампасов не дают, ты комплексуешь.

– Твой дружок, Петр Николаевич Орлов, держит. Мне в кадрах сказали, как начальник управления представит, так мы не мешкая.

– Петр мужик с норовом, тут я бессилен помочь. Наша дружба на том и держится, что я ни разу ни о чем не просил. Я днями загляну в группу захвата, познакомлюсь с людьми. Ты со мной поедешь?

– А отдел? – Усов хлопнул ладонью по столу. – Нет уж, я не опер, уехать на целый день не могу.

– Хорошо, – согласился Гуров, пытаясь говорить как можно мягче. – Я съезжу один, позже расскажу, каково впечатление.

В спортивном зале тренировались ребята, точнее, мужчины в возрасте двадцати пяти – тридцати лет. Милиционерам надоело одалживаться, обращаясь в «Альфу» и другие спецподразделения в случаях, когда возникала необходимость задерживать вооруженную группу.

Заместитель министра распорядился, чтобы начальники управлений выделили из числа оперативников молодых, физически крепких офицеров. Среди присланных, учитывая, что ни один начальник не отдаст хорошего парня, провели отбор, оставили двадцать человек, в основном недавних спортсменов, пригласили из «Динамо» тренеров по рукопашному бою и стрельбе, подготовили свою группу захвата.

На тренировку такой группы и приехал Гуров. Он заранее созвонился с тренером, его визит не был неожиданностью. Гуров надел тренировочный костюм, кроссовки, вошел в застланный зеленым паласом зал, присел в сторонке на шведскую скамейку, наблюдал за тренировкой.

Картина была хорошо знакомая, раз в неделю Гуров сам занимался в таком зале. Сыщик мгновенно определил, что тренируются люди сильные, ловкие, уже хорошо подготовленные. Но на горьком опыте Гуров давно убедился, что прекрасная подготовка в спортзале порой мало помогает в боевых условиях. Отличные парни, недавние чемпионы гибли от ножа наркомана, который не только ни одного приема не знал, а на ногах-то стоял плоховато.

К Гурову подсел тренер, Юлий Бочаров, в прошлом призер мировых чемпионатов по дзюдо.

– Как вам наши мальчики? – спросил он.

– Как они, нам жизнь покажет, – ответил Гуров. – Сегодня меня интересует, как они вам?

– Мне что? – Бочаров пожал плечами. – Парни крепкие, азы усвоили, для уличной публики вполне достаточно.

– Полагаете, на улице легче, чем в зале?

– Я не полагаю, господин полковник, знаю. Я по улицам хожу, случается, меня шпана достать пытается. Недавно попался здоровенный амбал, килограммов на полтора, так он, падая, чуть асфальт не проломил.

– Случается, – согласился Гуров. – Выделите парочку ребят, хочу размяться, боевой контакт, до поражения.

– Извините, господин полковник, вам сколько лет? Вы отдаете отчет в своих действиях?

– Мне сто лет, – ответил Гуров. – А ты действуй, командуй, готовь врача.

Бочаров глянул насмешливо, встал, захлопал. В зале стало тихо, тренировка остановилась.

– Ребята, присядьте. – Он повернулся к Гурову и жестом пригласил подойти. – К нам приехал старший оперативный уполномоченный по особо важным делам полковник Гуров Лев Иванович.

– Он действительно Лев или это только имя? – спросил кто-то. Но Гуров мгновенно говорившего засек, сказал:

– Вы хотя сейчас и в спортивном зале, но, насколько мне известно, младшие офицеры, так что извольте соответствовать. – Он умышленно создавал конфликтную атмосферу.

– Извините, господин полковник. – Бочаров глянул на учеников строго, добавил: – Говорю лично отлуплю. Лев Иванович желает, – он еле сдержал улыбку, – провести с одним из вас схватку, полный боевой контакт. Есть добровольцы? Вес примерно восемьдесят.

– Восемьдесят пять, – поправил Гуров.

– лейтенант Фатеев, – с пола поднялся один из парней, – разрешите вопрос?

– Валяйте, – кивнул Гуров.

– Ежели боевой контакт, возможны травмы. Что будет лейтенанту, ежели он покалечит господина полковника?

Гуров узнал в лейтенанте человека, который неудачно пошутил в отношении имени сыщика, спросил:

– Сколько вам лет, лейтенант?

– Двадцать семь, господин полковник.

– Когда вы пошли в школу, я один на один задержал Юрия Мельникова по кличке Митя Резаный. Ему грозила вышка, он был вооружен и очень не хотел в тюрьму. Если вы решаете попробовать, выходите.

Бочаров развел руками, мол, я за последствия не отвечаю, отошел в сторону; полковник и лейтенант встали друг против друга.

– Бой! – сказал Бочаров.

Гуров сделал шаг в сторону, посмотрел лейтенанту за спину, спросил:

– Что еще?

Фатеев произвольно оглянулся. Гуров ребром стопы нанес резаный удар по голени опорной ноги лейтенанта. Когда тот вскрикнул и, согнувшись, начал опускаться на пол, сыщик ударил его чуть ниже уха, лейтенант отключился полностью.

– Помогите бойцу, – равнодушно сказал Гуров. – Кто следующий?

Шок прошел, в зале зашумели, раздалась возмущенные выкрики: «Нечестно!», «Это подлянка!», «Дайте, я ему врежу!».

Лейтенанту помогли подняться, повели из зала. Гуров стоял в центре, спокойный, чуть насмешливый, сказал:

– Кто желает врезать, может выйти.

– Старший лейтенант Медовой. – На ковер вышел оперативник лет тридцати, одного роста с Гуровым, но массивнее и тяжелее килограммов на десять.

– Лев Иванович, – вмешался Бочаров, – Медовой не вашей весовой категории.

– У нас не соревнования. – Гуров отстранил тренера. – Бандиты не интересуются весовыми категориями. – Он повернулся к противнику, поднял руку.

Медовой смотрел недобро, мягко переступал с ноги на ногу.

– Старлей, слушайте меня внимательно, – сказал Гуров. – Бой прекращается, только если я скажу слово «конец». Вы поняли?

– Хватит, полковник, я за Бориску сейчас тебе выдам!

– Намерение естественное и понятное, но я бы вас просил, громко и отчетливо, чтобы ваши товарищи слышали, ответить, понятны вам условия схватки?

– Мне все понятно!

– Отлично. – Гуров повернулся к Бочарову: – Командуйте.

– Бой! – выкрикнул тренер.

Мягко пружиня, Медовой двинулся на Гурова, который легким боксерским шагом пошел по кругу.

Если бы в зале появилась муха, все бы услышали, как она потирает лапки.

Гуров пошел на сближение, сделал ложный выпад, отскочил, тяжелая рука старлея схватила воздух. Гуров начал двигаться быстрее, лицо заблестело от пота, он сделал несколько ложных выпадов, начал задыхаться, махнул рукой и с трудом произнес:

– Нет, не по годам. Сдаюсь! – Он повернулся к противнику спиной, затем развернулся и поднял руки.

Медовой сплюнул под ноги, процедил:

– Жаль, еще пару минут, и я бы до тебя добрался, начальник.

– Наверняка, – ответил Гуров и протянул руки.

Когда Медовой собрался их пожать, Гуров ударил противника в солнечное сплетение. Старлей всхлипнул, согнулся. Гуров ударил его ногой в голову, Медовой рухнул на ковер.

– Спокойно, – без всякой одышки сказал Гуров. – Вы все слышали, как человек отчетливо сказал, что условия боя понял. Слышали? Так чего у вас морды, словно у цепных псов, которых подразнили колбасой, а кусок не дали?

Когда старшего лейтенанта увели, Гуров продолжал:

– Всем сесть, молчать, пытаться меня понять. Оперативнички, вы полагали, что полковник, старший опер-важняк, приехал к вам выяснять, кто выше на стенку писает? Вы знаете, сколько убили ментов, которые купились на поднятые руки и возглас «Сдаюсь!»? У меня служил парень. Крепкий парень, оперативник средний, самоуверенный. Однажды задерживали особо опасного, человек под вышкой ходил. Так вот мой, тоже старлей, да не один, их трое лопухов было, этого бандита достал. Тот руки протягивает и говорит, мол, не стреляй, давай свои «браслеты». Мой вместо того, чтобы взять руку преступника на перелом, полез за наручниками. А у Сони – такая ласковая кличка была у убийцы – в рукаве нож. Хоронили старлея обыденно, как ментов хоронят. Мне вlepили по завязочку, но это уже другая история... Вы, господа хорошие, тренируетесь, но на улице, в боевой обстановке, все эти подсечки, глупости со стрельбой по летящим консервным банкам у вас из головы вылетят. Захват вооруженного преступника, которого вышка ждет, дело нервное. В момент огневого контакта вам одновременно следует учесть... Что следует учесть? – Гуров указал на оперативника, сидевшего напротив.

– Ну, – парень поднялся, – стрелять надо по ногам, убьешь – не отпишешься... Сначала предупредительный в воздух...

– Понятно, садитесь. – Гуров махнул рукой. – В какой Хацепетовке вас разыскали, господа? Вы думаете, что работаете в подразделении «Хватай мешки – вокзал отходит»? Так вот, в момент перед началом огневого контакта в городе вы должны учесть, не находятся ли между вами и преступником, за его спиной и за вашей спиной, люди посторонние. Никакое задержание не стоит человеческой жизни. Вы обязаны исключить риск полностью, вплоть до того, что не отвечать на выстрелы преступника, если за ним находятся посторонние люди. В это же мгновение вы должны решить, куда вы укроетесь, прыгнете, упадете и покатитесь либо иным способом максимально себя обезопасите. Ваша собственная жизнь стоит на втором месте, на первом, как я уже сказал, жизнь постороннего человека. В тот же момент вы должны решить, в зависимости от дистанции и вашего мастерства, будете ли вы вести огонь на поражение вообще или на обесточивание вооруженной руки или ноги преступника. В основном все.

Гуров сел на пол и жестом предложил оперативникам сесть рядом.

– Вопросы?

– Господин полковник, вы считаете, что сегодня, так расправившись с нашими товарищами, поступили правильно, нравственно? Было в этой расправе что-то нечестное, жестокое.

– Да, согласен, было нечестное и жестокое, – ответил Гуров. – Однако считаю себя абсолютно правым. Вскоре я вас поведу на захват банды, в течение секунд, от силы минуты, может оказаться несколько трупов. И дело не в том, что за жизнь каждого из вас я отвечаю, дело не в моем ответе, а в вашей жизни. Я убежден, словами человеку объяснить можно крайне мало. Я мог бы начать с такого разговора, а не, используя свой опыт и навыки, избивать ваших товарищей. Серьезных увечий я не причинил, боль и кровоподтеки пройдут, память о сегодняшнем дне останется, возможно, она спасет кому-то из вас жизнь. Она, жизнь, не очень честная, предельно жестокая штука.

Гуров замолчал, взгляделся в лица сидевших вокруг молодых оперативников. Увидел на лицах некоторых сомнение, даже протест, тяжело вздохнул и продолжал:

– Первый, лейтенант Фатеев, просто мальчишка. Старлей Медовой – человек опасный, в первую очередь опасный для самого себя, тип самоуверенный, самовлюбленный и глупый. Уверен, он любит бороться, кто кому руку на столе прижмет, всегда побеждает. Верно?

Кругом заговорили, кто-то громко сказал:

– Точно!

– Я поговорю в управлении кадров, Медовому следует, пока он жив, с оперативной работы уходить. А уж из вашей группы его отчислят завтра. Вы думаете, удар ногой по лбу его чему-нибудь научил? Ничуть! Он понял, что глуп? Никогда. Он считает, что падла полковник, сука и гад. Разберем ситуацию. Тебя как зовут? – Гуров положил руку на плечо сидевшего рядом белобрысого парня.

– Женя... Евгений, – ответил белобрысый.

– Скажи, Онегин, ты с наперсточником станешь играть?

– Я не припадочный.

– Отлично. Разберемся. Вам представляют меня. Старший опер-важняк, полковник. Он предлагает контактную схватку. Ваши первые мысли: мужику за сорок, значит, больше двадцати в сыске; опер-важняк, значит, не дурак. Так от такого человека никаких предложений принимать нельзя. Любое его предложение проиграно многократно. Выслушав своего тренера и мое предложение, следовало минуточку подумать и ответить, мол, господин полковник, вы ошиблись, дураки живут в соседнем подъезде. Нет, мальчишка Фатеев бросается на амбразуру. Готов! Подумайте! Попал на домашнюю заготовку? Да, попал, но чертов полкаш предлагает продолжить. Следовательно? У него не одна домашняя заготовка. А когда они кончатся, полковник схватки прекратит, видно же, что не дурак, человек битый, опытный и не станет с молодыми вести открытый бой. Эх вы, оперативнички! Группа захвата! Группа захвата! Вы себя за одно место ухватили. Таблицу умножения выучите, только тогда в университет ступайте.

Послышались смешки и тихие комментарии по вопросу, есть у них в мозгу извилины или они начисто отсутствуют.

– Старлей Медовой не мальчик, опер со стажем, сначала не подумал, урок с Фатеевым пропустил. Медовому было необходимо самоутвердиться, не просто положить руку старого полковника, а оторвать ее к чертовой матери. Он не хотел понять, уголовники с ним соревноваться не будут, тихо подойдут сзади и перережут горло.

– Хороший оперативник не допустит, чтобы к нему подошли сзади, – сказал кто-то.

– Верно, должен не допустить. Но даже хорошему оперативнику, я не говорю про Медового, сделать это порой крайне трудно.

Гуров вел машину аккуратно, не обращая внимания на пролетающих рядом асов, чьи машины грудой металлолома громоздились у постов ГАИ.

Сыщик вспомнил Бориса Вакурова, своего ученика, отличного парня, уже приличного опера, которого убили в упор в спину... Вакурова отвлекли нападением на палатку: парень вел машину в центре города, услышал выстрелы, остановился, выскочил на тротуар и прозевал подъехавшего сзади убийцу.

Гуров хотел было рассказать молодым об этом трагическом случае, происшедшем всего два года назад, но промолчал, не хотел трепать имя и память погибшего товарища.

Познакомившись с группой захвата, Гуров понял, что в случае стычки с налетчиками рассчитывать на помощь неразумно. Эти парни могут застрелить человека или погибнуть, захватить серьезного преступника они не способны. Нужно несколько машин, и в каждой должен находиться настоящий сыщик. «Одну поведу я, затем Станислав, Усов, нужны еще двое, и мы устроим «карусель». Никакая «наружка» нас не засечет».

Приехав в контору, он поднялся на свой этаж, выйдя из лифта, услышал:

– Лев Иванович, приветствую!

К Гурову, протягивая руку, подошел вечно улыбающийся полковник Акулов, старший опер главка. Неплохой сыщик, Акулов нравился Гурову, только постоянная улыбка раздражала. Не может нормальный человек постоянно находиться в хорошем настроении, значит, Акулов фальшивый, изображает. Возможно, Гуров, сам человек сдержанный, улыбающийся

редко, сталкиваясь со своей противоположностью, относится к Акулову с предубеждением. Но в целом коллега Гурову нравился, ну слишком жизнерадостный, так во благо окружающим.

– Привет, Костя! – Гуров пожал товарищу руку. – Как дела, ничего?

– У нас делишки. – Акулов взял сыщика под руку, отвел в сторону. – Как смотрятся наши боевики?

– Как боевики и смотрятся, – ответил Гуров. – Дерутся, стреляют, не более того. А от кого ты узнал, где я был?

– Обижаешь, старина, – развел руками Акулов, – сыщик не разглашает свои источники информации.

– Костя, жизнерадостный ты мой, – сказал Гуров, когда они вышли на лестничную площадку и закурили. – Мы служим в организации, где в основном имеют дело с секретной информацией, а течем, как дырявое ведро. Полковник Гуров ездил проверять подготовку группы захвата. Вроде секрет не большой, но трепаться об этом не следует. Если сволочь умная, то она и из данного факта может сделать определенный вывод. Гуров не кадровик, сыщик, раз проверяет, значит, готовится. К чему готовится? И так далее.

– Лев Иванович, так я кому сказал? Тебе. – Акулов привычно улыбнулся.

– А какое-то трепло сказало тебе, значит, может сказать и другому. Так я тебе задним числом скажу, что у меня трижды в засаду налетчики не пришли. Так и работаем, треплемся на каждом углу, преступников предупреждаем, когда дело срывается, грешим на источник информации.

Акулов с трудом погасил улыбку, сказал:

– Ты прав, считай, я ничего не говорил.

– Ладно. Слушай, Константин, я тут готовлю операцию по захвату группы, что грабит и убивает инкассаторов. Я придумал один номер, позже объясню, а мне не хватает сыщиков. Боевики, которых я сегодня видел, могут только хватать и стрелять, мне нужны живые преступники. В каждом экипаже должен быть ас. У меня имеется Крячко, Усов, ну, я сам. Мне нужно еще двоих. Ты не хочешь принять участие?

– Ты за старшего? – Акулов улыбнулся. – С удовольствием, давненько мы вместе не работали.

Гуров вздохнул, покачал головой.

– Мы знаем, что налетчики люди грамотные, следовательно, знают, что статья их предусматривает и высшую меру. А у них как минимум два «калашникова», может, больше. Какое, к черту, удовольствие? У тебя вроде семья?

– Семья. – Акулов кивнул. – Но у меня еще и ты, и другие коллеги. Так почему они должны лезть, а я нет?

– Ты прав. – Гуров хлопнул сыщика по плечу. – Договорились. Я скажу о тебе генералу, когда раздастся звонок, предупрежу.

– Жду, можешь рассчитывать, – ответил Акулов.

Сыщики пожали руки и расстались.

Наступил октябрь, теплый, в общем, бабье лето. Москвичи сняли промокшие плащи, девчонки вновь обнажили все, что могли, ну а порой что и не следовало бы людям показывать. Московские бульвары оделись в золотой наряд.

Сыщикам уголовного розыска подобные радости были чужды, они выжидали, когда затаившаяся банда продолжит свое кровавое дело.

Полковник Усов сказал Гурову, что действительно в банде есть парень, который ухлестьивает за красоткой, чьи фотографии можно увидеть в журналах; недавно девчонку показывали по телевизору, она рекламировала мыло или шампунь. Гуров об этом уже знал, но он был также осведомлен, что роман фотомодели с налетчиком дал трещину, и сыщик потерял свой

источник информации. Он, источник, был слабенький, большой роли не играл, все зависело от человека полковника Усова.

Как оно всегда случается, звонок, которого напряженно ждали, раздался неожиданно: «Московский городской банк на улице Щепкина. Валюту повезут куда-то на Щелковское шоссе. Налетчики собираются в полдень, точное время нападения и в каком месте оно произойдет – неизвестно».

Но коли известны день и место, откуда пойдет машина с валютой, то достаточно. Остальное – дело техники. Получив сообщение, Гуров собрал коллег. Присутствовали полковники Крячко, Усов, Акулов, начальник группы захвата, тоже полковник, Мирский.

– Завтра каждый из нас возглавит экипаж из трех боевиков, людей отберет полковник Мирский, – начал совещание Гуров. – Официальная версия – готовится захват бандгруппы в районе Звенигорода. Много говорить об этом не следует, оберегать как бы действительно секретную операцию. Тот, кто нами интересуется, все равно узнает.

Гуров расстелил на столе карту Москвы, на которой были уже помечены улица Щепкина и Щелковское шоссе, проложен путь следования машины с валютой.

– Прежде чем экипажи сядут в машины, предупредите, чтобы люди сходили в туалет, так как позже, до конца операции, никто из машины выпущен не будет. – Гуров оглядел собравшихся, отметил, что никто не улыбается, все серьезные, спокойные, как и положено профессионалам. – Банда собирается в двенадцать, мы в этот час должны уже отъехать от подъезда, следовать на улицу Щепкина, где, по нашим сведениям, уже будут находиться соглядатаи налетчиков. Видимо, у них есть договоренность об опознавательном знаке, который открывает дорогу. У нас двадцать человек в пяти машинах. У них пятеро, возможно, больше, в двух машинах. На нашей стороне опыт и выдержка, на их стороне – выбор времени и места, внезапность нападения. Мы должны думать о людях, которые окажутся на месте схватки. Налетчики будут поливать свинцом, как говорится, от живота. Мы проезжаем мимо банка, едем со скоростью общего потока, с интервалом в тридцать-сорок секунд, таким образом, визуальной связи между нами не будет, переговариваться только в случае крайней необходимости. Мы двигаемся по кольцу, сохраняя равные интервалы прохождения машин мимо банка, но таким образом, чтобы один из нас постоянно вход в банк наблюдал.

Гуров на карте пометил улицы и переулки, по которым будут следовать машины оперативников.

– Через каждые пятнадцать минут останавливаемся, меняем номера. Один из экипажей должен находиться в зрительной связи с подъездом банка, чтобы в случае нападения мгновенно оказаться на месте. Вступая в бой, дам сигнал тревоги. Мы не знаем, подъезжают бандиты на машине или оставляют ее за ближайшим углом. Мы не знаем, готовится нападение непосредственно у банка, в пути следования или в месте назначения. Ну, в случае, если придется провозить машину банка до места назначения, идем следом, меняя головную машину каждые две минуты. Вопросы.

– Лев Иванович, а ты не мудришь? – спросил Усов. – Почему не попросить директора банка предупредить нас за десять минут до отправления денег?

– Павел Петрович, ты этого директора знаешь? Я – нет. Мы не знаем, где у них осведомитель.

– А нельзя заменить одного из охранников? – спросил Акулов.

– Считаю, нельзя, – ответил Гуров. – Коллеги, мы не можем рисковать. Если завтра мы промахнемся, то послезавтра у нас может не быть. Преступники – не простые налетчики, они достаточно интеллектуальны, умны. Если их вновь предупредят о засаде, они могут либо рассыпаться, либо осесть на дно, заняться чисткой окружения, выясняя, от кого мы получаем информацию. Вашего человека, Павел Петрович, либо убьют, либо уберут из окружения. Мы ослепнем и будем вновь ждать, когда, где и скольких человек убьют.

– Лев Иванович прав, – сказал Крячко. – Мы должны сегодня создать запас прочности такой, как в лифте. Я не знаю, сколько там точно, слышал, вроде стократный. Ничего, помучаемся часик-другой, не первый год замужем.

– У тебя, Станислав, известно, Гуров всегда прав, – усмехнулся Усов.

– Паша, подумай о душе и о Боге! Он, – Крячко указал на потолок, – всех видит: и талантливых, и завистливых.

– Станислав, – одернул друга Гуров, – мы завтра, выражаясь высокопарно, пойдем под пули. Кто-то может не вернуться своим ходом, кого-то, возможно, привезут. Только мы, а не молодые парни с автоматами решим исход операции. Бандиты нужны живыми, необходимо выявить и арестовать предателя, пресечь утечку информации, невозможно жить, работать и знать, что тебя продают. Если мы ликвидируем банду и оставим здесь эту суку, то завтра другие налетчики в других местах начнут убивать и грабить. А мы вновь начнем дергаться, словно мартышки во время родов.

– Ты принимал роды у мартышек? – ехидно поинтересовался Крячко.

– Станислав, тебе не понять, у меня же есть фантазия.

– Согласен, фантазии у тебя в избытке. – Усов поднялся. – Я могу быть свободен, – не спросил, сказал утверждающе и вышел.

Полковника Усова можно было понять. Он, начальник отдела, добыл агентурные данные о готовящемся налете, сидел на равных с оперативниками и выслушивал наставления самолюбленного Гурова. А что он, Усов, в свое время служил под началом этого Гурова, полковник давно забыл.

– Баба с возу, – сказал Крячко.

– Станислав, Паша неплохой парень, хороший сыщик, а что честолюбив и завистлив, так кто без греха? – сказал Гуров, но с уходом Усова тоже почувствовал некоторое облегчение. – Последнее, что я хочу сказать. Скажите своему экипажу, если кто-нибудь из них выстрелит прежде, чем выстрелите вы, завтра же останется без погон, на улице.

На следующий день, в двенадцать часов, мимо банка на улице Щепкина прокатилась серая «Волга», через тридцать секунд задрипаный «Москвич», следом «Волга», затем «Жигули», снова «Москвич». Через две минуты кольцо замкнулось.

«Карусель» вертелась, пока не отъехала машина с валютой. Оперативные машины змеей скользнули следом, меняясь местами, проследовали на Щелковское шоссе.

Валюту доставили по назначению. Оперативные машины развернулись в обратную сторону, только тогда по внутренней связи раздалась матерная ругань.

В кабинете генерала Орлова все было как обычно. Хозяин кабинета, сидя за столом, подпирал тяжелую голову ладонями, Крячко сидел на стуле рядом, Гуров присел на подоконник, курил и пускал дым в форточку. Молчали плотно, тяжело.

Наконец Гуров подошел к столу генерала, раздавил в пепельнице окурок, достал из кармана лист, сложенный вдвое, развернул, положил перед начальником и другом, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.